

«Король смеха»

(выставка книг, посвящённая 135-летию со дня рождения А. Т. Аверченко)

**135 лет
со дня рождения
русского писателя,
сатирика,
театрального критика
Аркадия Тимофеевича
Аверченко
27.03.1881 - 12.03.1925**

«Легче девочке постигнуть психологию спящего слона, чем взрослому человеку — психологию девочки».

А. Т. Аверченко «О детях» («О маленьких — для больших»)

Выставка книг **«Король смеха»**, посвящённая 135-летию со дня рождения Аркадия Тимофеевича Аверченко, экспонируется на абонементе художественной литературы (главный корпус, ауд. 2-77).

Виртуальная выставка

БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ:

Аркадий Тимофеевич Аверченко родился 27 марта 1881 года в Севастополе в семье небогатого купца Тимофея Петровича Аверченко и Сусанны Павловны Софроновой, дочери отставного солдата с Полтавщины.

А. Т. Аверченко не получил никакого начального образования, так как ввиду плохого зрения и слабого здоровья не мог долго заниматься. Но недостаток образования со временем компенсировался природным умом.

Работать Аверченко начал рано, ещё в 15 лет. С 1896 по 1897 гг. служил младшим писцом в транспортной конторе в Севастополе. Продержался он там недолго, чуть больше года, и впоследствии описал этот период своей жизни в иронической «Автобиографии», а также в рассказе «О пароходных гудках».

В 1897 году Аверченко уезжает работать конторщиком на Донбасс, на Брянский рудник. Там он проработал четыре года, впоследствии написав несколько рассказов о жизни на руднике («Вечером», «Молния» и др.).

В начале 1900-х годов он переезжает вместе с правлением рудника в Харьков, где 31 октября 1903 года в газете «Южный край» появляется его рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь» (позднее исправлен и переопубликован под

названиями «Рыцарь индустрии», «Господин Цацкин»). Сам же Аверченко считал своим литературным дебютом рассказ «Праведник» (1904 год).

В 1906—1907 он, совершенно забросив службу, редактирует сатирические журналы «Штык» и «Меч», а в 1907 эти издания стали первой постоянной трибуной Аверченко, который вёл почти все разделы под многочисленными псевдонимами. Но его увольняют из правления со словами: «Вы хороший человек, но ни к чёрту не годитесь». В январе 1908 года А. Т. Аверченко уезжает в Санкт-Петербург.

В столице он становится сотрудником журнала М. Г. Корнфельда «Стрекоза».

В 1908 году группа молодых сотрудников «Стрекозы» решает издавать новый журнал «Сатирикон», секретарём, а вскоре и редактором которого становится Аверченко.

На страницах «Сатирикона» (впоследствии - «Нового Сатирикона») выступали многие известные поэты и прозаики: Саша Чёрный и О. Мандельштам, В. Маяковский и Тэффи, А. И. Куприн и Л. Андреев.

Именно в «Сатириконе» появились самые блестящие юмористические рассказы А. Т. Аверченко.

В 1910 году выходят его сборники «Рассказы (юмористические). Книга первая», «Зайчики на стене. Рассказы (юмористические). Книга вторая» и «Весёлые устрицы»; последний имел более 20 переизданий.

В 1911—1912 гг. Аверченко дважды ездит в путешествия по Европе со своими друзьями-сатириконцами (художниками А. А. Радаковым и Ремизовым). Эти путешествия послужили Аверченко богатым материалом для творчества: в 1912 году вышла его популярная книга «Экспедиция сатириконцев в Западную Европу».

В 1912 году в Петербурге получают жизнь книги писателя: «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих», после чего за Аверченко закрепляется звание «Короля смеха». Рассказы инсценировались и ставились в петербургских театрах.

Постепенно в творчество Аверченко возвращаются трагические нотки, связанные с Первой мировой войной (1914-1918). С началом войны появляются политические темы, публикуются патриотически ориентированные произведения Аверченко: «План генерала Мольтке», «Четыре стороны Вильгельма», «Случай с шарлатаном Кранкен» и другие. Очерки и фельетоны Аверченко полны горечи и передают то состояние разрухи, в которой находилась Россия накануне Октябрьской революции. В некоторых рассказах этого периода писатель показывает разгул спекуляции и нравственной нечистоплотности.

А. Т. Аверченко писал также многочисленные театральные рецензии под псевдонимами *Ave*, *Волк*, *Фома Опискин*, *Медуза-Горгона*, *Фальстаф* и др.

В военные и предреволюционные годы книги Аверченко активно издаются и переиздаются: «Одесские рассказы» (1911), «Сорные травы» (1914), «О хороших, в сущности, людях» (1914), «О маленьких — для больших» (1916), «Синее с золотом» (1917) и другие. Особое место среди них представляют «детские» рассказы (сб. «О маленьких — для больших», «Шалуны и ротозеи» (1915) и другие.

К 1917 году Аверченко перестаёт писать юмористические произведения. Теперь его основные темы — это обличение современной власти и политических деятелей. С 1917 по 1921 год в творчестве Аверченко мир разделён на две части: мир до революции и мир после революции. Эти два мира у писателя постепенно противопоставляются. Аверченко воспринимает революцию как обман рабочего человека, который должен в определённый момент спохватиться и вернуть всё на свои места в своей стране. И опять же Аверченко доводит ситуацию до абсурда: из жизни людей исчезают книги, в рассказе «Урок в советской школе» дети по книжке изучают, какая была еда. Также писатель изображает главных российских политиков Троцкого и Ленина в образах беспутного мужа и сварливой жены («Короли у себя дома»). Второй мир России у Аверченко — это мир беженцев, мир тех, кто «зацепился» за эмиграцию. Этот мир раздроблен и предстаёт, прежде всего, в образе Константинополя. Здесь можно отметить рассказы «Константинопольский зверинец» и «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах», в котором три человека пытаются выжить в Константинополе, они делятся друг с другом своим опытом о том, как каждый из них зарабатывает себе на хлеб.

После Октябрьской революции всё резко изменилось. В июле 1918 года большевики закрыли «Новый сатирикон» вместе с другими оппозиционными изданиями. Аверченко и весь коллектив журнала заняли отрицательную позицию по отношению к советской власти. Аверченко вернулся в Севастополь.

С июля 1919 года Аверченко работал в газете «Юг» (впоследствии «Юг России»), агитируя за помощь Добровольческой армии.

15 ноября 1920 Севастополь был взят красными. За несколько дней до этого Аверченко на одном из последних пароходов уехал в Константинополь.

В Константинополе Аверченко почувствовал себя более-менее уютно, так как там в то время находилось огромное количество русских беженцев, таких же как и он.

В 1921 году в Париже опубликовал сборник памфлетов «Дюжина ножей в спину революции», где герои — дворяне, купцы, чиновники, военные, рабочие — с ностальгией вспоминают о прошлой жизни. Книга вызвала отповедь в советской печати, в частности, Н. Мещеряков назвал её «юмором висельника». В этом же году вышла статья Ленина «Талантливая книжка», в которой Аверченко назван «озлобленным до умопомрачения белогвардейцем», однако при этом В. И. Ленин нашёл книгу «высокоталантливой». В ответ Аверченко пишет рассказ «Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко», в котором подытоживает свой эмигрантский путь «из петербургских «варяг» в

константинопольские «греки», начиная с запрета большевиками «Нового Сатирикона» и проведения широких арестов.

В том же году Аверченко выпускает сборник «Дюжина портретов в формате будуар».

Опыт эмигрантской жизни писателя отразился в его книге «Записки Простодушного» 1921 года. «Записки Простодушного» — сборник рассказов о жизни самых разнообразных характеров и типов человека, их радости и страданиях, приключениях и жестокой борьбе. Приблизительно в это же время выходят в свет сборник рассказов «Кипящий котёл» и драма «На море».

13 апреля 1922 года Аверченко переезжает в Софию, затем в Белград. Ни в одном из этих городов Аверченко надолго не остался, а 17 июня 1922 года переехал в Прагу на постоянное место жительства. Снимал номер в отеле «Злата гуса» на Вацлавской площади.

Жизнь вдали от Родины, от родного языка была очень тяжела для Аверченко; этому были посвящены многие его произведения, в частности, рассказ «Трагедия русского писателя».

В Чехии Аверченко сразу приобрёл популярность; его творческие вечера пользовались шумным успехом, а многие рассказы были переведены на чешский.

Работая в известной газете «Prager Presse», Аркадий Тимофеевич написал много искромётных и остроумных рассказов, в которых всё же чувствовалась ностальгия и сильнейшая тоска по старой России, навеки канувшей в прошлое.

В 1922 году издаётся сборник «Дети». Аверченко описывает восприятие послереволюционных событий глазами ребёнка, особенности детской психологии и уникальной фантазии.

В 1925 году после операции по удалению глаза Аркадий Аверченко серьёзно заболел. 28 января его в почти бессознательном состоянии положили в клинику при Пражской городской больнице с диагнозом «ослабление сердечной мышцы, расширение аорты и склероз почек». Спасти его не смогли, и утром 12 марта 1925 года он умер на 44-м году жизни.

Похоронен Аверченко на Ольшанском кладбище в Праге.

Последней работой писателя стал роман «Шутка Мецената», написанный в Сопоте в 1923 году, а изданный в 1925 в Праге, уже после его смерти.

ИСТОЧНИКИ:

Аверченко, Аркадий Тимофеевич // Википедия : свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Аверченко, Аркадий Тимофеевич // Литературный клуб [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.arkadiyaverchenko.ru/content/view/169/305/>

Аверченко, Аркадий Тимофеевич. Собрание сочинений // Классика/Lib.ru: Библиотека Мошкова [Электронный ресурс]. - URL: http://az.lib.ru/a/awerchenko_a_t/

КНИГИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ НА ВЫСТАВКЕ:

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).

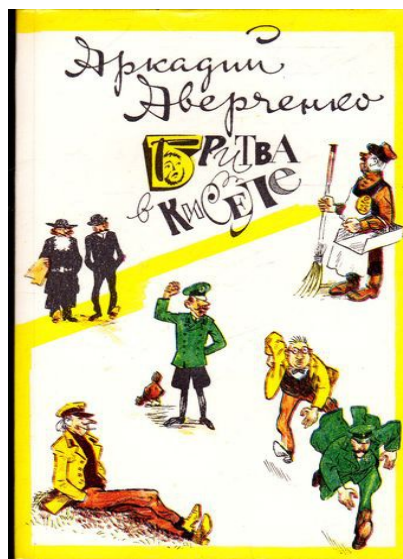
Антология сатиры и юмора России XX века / А. Т. Аверченко; гл. ред. Ю. Кушак; оформ. переплёта Л. Яковлев. - М. : Эксмо, 2004. - 768 с.

«Был в Риме такой человек по имени император Калигула, а по характеру большой чудак... Была у Калигулы лошадь, которую он до того любил, что однажды приказал Сенату выбрать ее в сенаторы. Ну раз такой человек, как Калигула, приказывает – послушаться неловко: обидится.

И выбрали лошадь в сенаторы.

И сидела она в Сенате».

А. Т. Аверченко «Мадам Ленина. Лошадь в Сенате»

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).

Бритва в киселе : избранные произведения

/ А. Т. Аверченко; сост., вступ. ст., примеч. С. С. Никоненко; ил. Е. О. Ведерникова. - М. : Правда, 1990. - 480 с.

«– Катя! Что случилось?

– Что? – Она упала головой на спинку кресла и горько заплакала. – Что? – Улыбнулась печально сквозь слезы и пошутила: – Ты победил меня, Галилеянин...

– Катя! Чем?!.. Что ты говоришь?

– Ну, полно... Все равно я ухожу уже навсегда, и поэтому довольно всяких разговоров и вопросов... Помнишь, при первом знакомстве я назвала тебя киселем, а ты меня бритвой. Пожалуй, так оно и есть. Я – бритва, я хотела, чтобы все было по-моему, я мечтала о счастье, я знала, что ты безвольный кисель, и поэтому мое было право – руководить тобой, быть энергичным началом в совместной жизни... Но что же получилось? Бритва входила в кисель, легко разрезывала его, как и всякий кисель, и кисель снова сливался за ее спиной в одну тягучую, аморфную массу. Бритва может резать бумагу, дерево, тело, все твердое, все определенное – но киселя разрезать бритва не может! Я чувствую, что я тону в тебе, и поэтому ухожу!»

А. Т. Аверченко «Бритва в киселе»

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925). В «Новом Сатириконе» 1917 г. - 1918 г. : рассказы и фельетоны / А. Т. Аверченко; сост. и ред. Н. К. Голейзовский. - М. : Кругъ, 1994. - 68 с.

«Страуса узнают по росту, по длинной змеиной шее, по маленькой голове, по перьям на хвосте, по огромным крепким лапам. Тысяча характерных признаков. По каким же признакам определили меня? Я кое-как скомкал свою речь, прыгнул со скамейки, служившей трибуной, и, отведя в сторону зеленого господина, тихо спросил его:

- Это вы кого же - меня назвали буржуем?

- Обязательно.

- За что?

- Крахмал.

Мы оба недоуменно поглядели друг на друга.

- Крахмал, вы говорите?

- Обязательно.

- Какой крахмал?

- Рубашка, тово. Крахмалэ, как говорится. Хи-хи...».

А. Т. Аверченко «Моё самоопределение»

1917

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925). Записки простодушного : сборник / А. Т.

Аверченко; [сост., послесл., примеч. О. В. Сергеева]. - М. : Книга и бизнес, 1992. - 365 с. -

Содержание: Дети; Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни; Кипящий котел; Записки Простодушного; Дюжина ножей в спину революции; Нечистая сила.

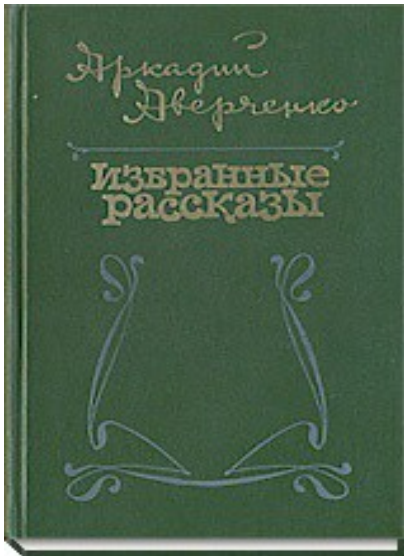
«Я осмотрелся. В одном углу за столиком сидела с кавалером известная всему Петербургу Динка-Танцуй, в другом - Манька-Кавардак, в третьем - два именитых столичных шулера, битых в свое время так, что выдубленная кожа на их лицах сделалась нежной и гладкой, как атлас.

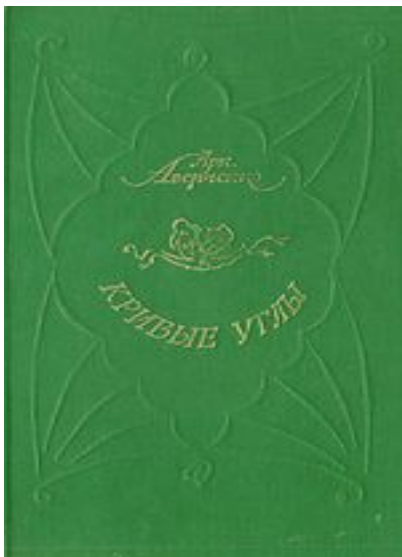
- Вот это, по-твоему, хорошее русское общество?! - ахнул я.

- Да не это, чудака. Ты на слуг обрати внимание. Прехорошенькая дама в кокетливом передничке подошла к нам с карточкой.

- Честь имею приветствовать вас, графиня, - изысканно расшаркался приятель. - Позвольте, графиня, представить вам моего друга писателя

	Простодушного. - Ну, как же, знаю, - милостливо сказала графиня, протягивая очаровательную ручку. - Когда мой муж был товарищем министра, мы часто в сумерки читали вас вслух. Бывало, заеду к Вольфу... - Катя, - подошла к графине другая дама с крайне озабоченным видом. - Тебя к седьмому номеру просят. Неси им инициаль. -...Верите ли, господа, так редко теперь увидишь настоящих культурных людей. Иногда только с нашим швейцаром перекинешься словом... - Почему... со швейцаром?... - растерялся я. - Он бывший профессор Бестужевских курсов. - Может, и человек у вешалки бывший полковник? - пошутил я. - Нет, что вы! Генерал. У нас только один буфетчик из разночинцев: бывший настоятель Покровского собора...». А. Т. Аверченко «Записки простодушного» 1923
--	--

	Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925). Избранные рассказы / А. Т. Аверченко; [сост. и примеч. Ст. Никоненко; вступ. ст. О. Михайлова]; худож. Ю. Бажанов. - М. : Советская Россия, 1985. - 352 с. «- Да что это, в самом деле, у тебя, - нетерпеливо перебил я. - Всё такое громадное: озеро громадное, дуб громадный, комар громадный, бочек сто штук... Он заглянула мне в лицо и с видом превосходства пожала плечами: - А как же бы ты думал. Ведь он же слон? - Ну, так что? - И потому что он слон, ему снится всё большое. Не может же ему присниться стеклянный стаканчик, или чайная ложечка, или кусочек сахара. Я промолчал, но про себя подумал: «Легче девочке постигнуть психологию спящего слона, чем взрослому человеку — психологию девочки». А. Т. Аверченко «О детях» («О маленьких — для больших»)

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).
Кривые углы : рассказы / А. Т. Аверченко; [сост. и предисл. П. Горелова; худож. В. Юрлов]. - М. : Советская Россия, 1989. - 304 с.

«— Стёпа, голубчик! Оставайся обедать. Ты ж ведь родственник, ты — свой, тебя стесняться нечего — поддержи, Стёпа, а? Подними ты свой голос против индейки.

— Да удобно ли мне, дядюшка... Вид-то у меня такой... не фельтикультяпный.

— Ну вот! Я тебя, брат, за почётного гостя выдам, ухаживать за тобой буду. А когда в самом конце обеда подадут индейку — ты и рявкни, этак посолиднее: «Ну зачем её резать зря, всё равно никто есть не будет, все сыты — уберите её».

— Дядюшка, да ведь меня хамом про себя назовут.

— Ну, большая важность. Не вслух же. А может быть, и просто скажут: оригинал. Я, конечно, буду упрашивать тебя, настаивать, а ты упрись да ещё поторопи, чтобы унесли индейку, а то, неровен час, кто-нибудь и соблазнится. Это действительно номер!»

А. Т. Аверченко «Индейка с каштанами»

1925

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).
Одиннадцать слонов : рассказы / А. Т. Аверченко. - М. : Современник, 1989. - 125 с.

«Если бы человек захотел себе ярко представить Россию — как она ему представится?

Вот как:

Огромный человеческий русский муравейник «хлопочет».

Никакой никому от этого пользы нет, никому это не нужно, но все обязаны хлопотать:

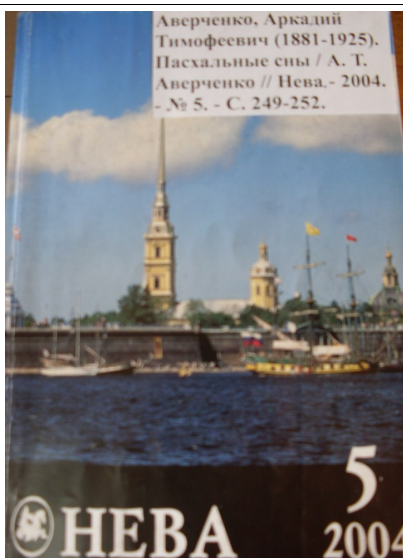
бегают из угла в угол, часто почесывают затылок, размахивают руками, наклеивают какие-то марки и о чем-то бормочут, бормочут.

Хорошо бы это все взять да изменить...

Нужно будет похлопотать об этом».

А. Т. Аверченко «Хлопотливая нация»

1910

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925). Пасхальные сны / А. Т. Аверченко // Нева : литературный журнал. - СПб., 2004. - № 5. - С. 249-252.

«Всякий здравомыслящий русский человек на Пасху считает долгом ошеломить, изумить и поразить свой желудок самыми странными неподходящими сочетаниями: жареного барашика есть с куличом, после пары красных или синих яиц проглатывает солидный кусок творожной пасхи, запивает все это ликером, а через десять минут в другом доме он как ни в чем не бывало поглощает розовую нежную ветчину, фаршированного цыпленка, кулич, рюмку рябиновой, сардинку и, наконец, сахарный розан с верхушки осиротелого кулича...

И всякому, умеющему логически мыслить, ясно, что после таких шагов человек совершенно соскакивает с рельс».

А. Т. Аверченко «Пасхальные сны»

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925). Руководство для лентяев / А. Т. Аверченко; сост., вступ. ст. и примеч. Ст. Никоненко; оформ. переплёта Ф. Барбышев. - М. : Олма-пресс, 2000. - 350 с.

«— Серёжа служит, а ты ещё не служишь... — упрекнул меня отец.

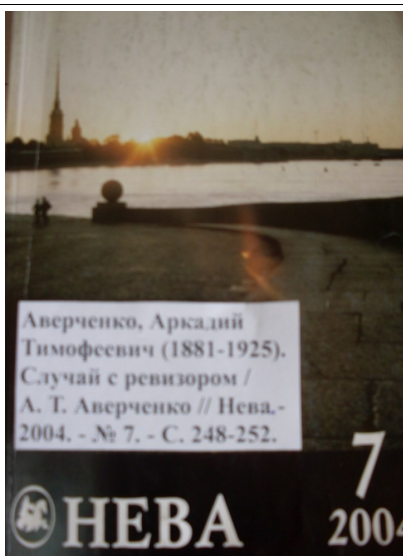
— Серёжа, может быть, дома лягушек ест, — возразил я, подумав. — Так и мне прикажете?

— Прикажу, если понадобится! — гаркнул отец, стуча кулаком по столу. — Чёрт возьми! Я сделаю из тебя шёлкового!

Как человек со вкусом, отец из всех материй предпочитал шёлк, и другой материал для меня казался ему неподходящим».

А. Т. Аверченко «Автобиография»

1910

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).

Случай с ревизором / А. Т. Аверченко // Нева : литературный журнал. - СПб., 2004. - № 7. - С. 248-252.

«Ревизора окружала густая толпа. Все кричали, галдели, так что нельзя было разобрать ни одного слова.

Из толпы вышел седовласый купец, перекрестился и подал ревизору пакет:

— Десять тысяч.

— Для чего?

— Взятка.

— Как вы смеете! — крикнул ревизор. — Я не беру взяток.

— То есть как же это так?

— Так, не хочу!

— Господа, — воскликнул полицмейстер, ввиду такого поступка ревизора я принужден буду арестовать его. Он отказывается? Хорошо-с. Он за это ответит. Завтра я назначаю над ним суд».

А. Т. Аверченко «Случай с ревизором»

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).

Трава, примятая сапогом : роман. Повесть.

Рассказы / А. Т. Аверченко; сост. Н. Воробьева. - М. : Дружба народов, 1991. - 400 с.

«Когда я начинаю думать о старой, канувшей в вечность, России, то меня больше всего умиляет одна вещь: до чего это была богатая, изобильная, роскошная страна, если последних три года повального, всеобщего, равного, тайного и явного грабежа — все-таки не могут истощить всех накопленных старой Россией богатств.

Только теперь начинаешь удивляться и разводить руками:

— Да, что ж это за хозяин такой был, у которого даже после смерти его — сколько не тащат, все растащить не могут...».

А. Т. Аверченко «Усадьба и городская квартира» («Дюжина ножей в спину революции»)

1921

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925).

Шутка мецената : роман. Повесть / А. Т.

Аверченко; сост. Н. Воробьева. - М. : Известия, 1990. - 256 с.

«— Ты, Мотылёк, циничен, но не глуп.

— О, на вашем общем фоне не трудно выделиться.

— Цинизмом?

— Умом.

— Меня интересует один вопрос: любите вы меня или нет?

— Попробуйте разориться — увидите!».

А. Т. Аверченко «Шутка мецената»

Афористика и карикатура : антология сатиры и юмора России XX века / сост. Борис Крутиер;

худож. Рубен Варшамов. - М. : Эксмо, 2004. - 720 с.

- (Антология сатиры и юмора России XX века).

*

Валаамова ослица — прославилась тем, что заговорила. Ослы, говорящие в наше время, уже удивления не вызывают.

*

Вакханка — древняя женищина мягкого характера.

*

Жених — сырой материал, из которого, после обработки его, выходит муж.

Возвращенный мир / отв. ред. Н. К. Мурнова. - М. : Русский мир, 2004. - Т. 1. - 752 с. - (Антология русского зарубежья).

«- Как ты думаешь, сколько мне лет? - спросила небольшая девочка, перепрыгивая с одной ноги на другую, потряхивая темными кудрями и поглядывая на меня сбоку большим серым глазом...»

- Тебе-то? А так я думаю, что тебе лет пятьдесят.

- Нет, серьезно. Ну, пожалуйста, скажи.

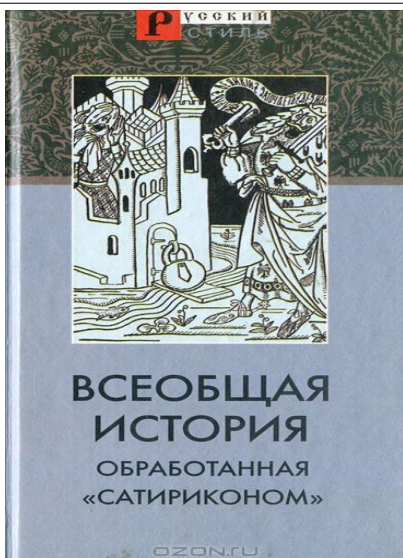
- Тебе-то? Лет восемь, что ли?

- Что ты! Гораздо больше: восемь с половиной.

- Ну?! Порядочно. Как говорится: старость не радость. Небось, и женишка уже припасла?

- Куда там! (Глубокая поперечная морщина сразу выползла откуда-то на ее безмятежный лоб.) Разве теперь можно обзаводиться семьей? Все так дорого».

*А. Т. Аверченко «Трава, примятая сапогом»
(«Дюжина ножей в спину революции»)*

Всеобщая история, обработанная

«Сатириконом» / худож. оформ. серии И. Г. Мосина. - СПб. : Издательский Дом «Кристалл», 2002. - 256 с. - («Русский стиль»).

Северо-Американские штаты

Американские колонисты были мирными трудолюбивыми людьми. Англичане, считая американских колонистов своими подданными, понемногу стали стеснять их свободу в смысле торговли и мореплавания. Колонисты молчали.

Англичане ввели гербовую бумагу и некоторые сборы. Колонисты промолчали. Была гробовая тишина.

Англичане стали взыскивать пошлины за привозные товары. Колонисты поежились, переступили с ноги на ногу и неожиданно сказали:

- А пойдите вы к черту!

Самолюбивые англичане спросили:

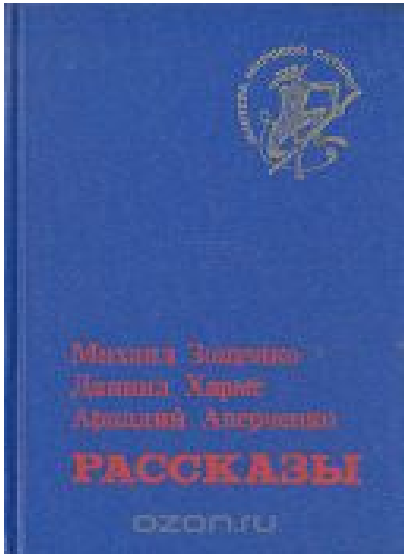
- То есть как?

- Да так. Проваливайте с вашими пошлинами.

Сказав это, схватили изумленных англичан за шиворот, повернули лицом к Англии и вытолкали.

Началась война. Вот это была хорошая, честная, умная, вызванная необходимостью война, и мы ее очень одобряем. Это не протестанты с католиками, а

	умные люди схватились не на живот, а на смерть из-за своих прав. Когда колонисты победили и выгнали англичан, те пожали плечами и обиженно сказали: - И не надо. И без вас проживем (1783 г.). - Ступайте, ступайте, - поощрили их колонисты, - пока вам еще не попало... Ишь! (Брадлей. Новая история. Стр. 201.)
	стр. 147

	Зощенко, Михаил Михайлович. Рассказы / М. М. Зощенко, Д. Хармс, А. Т. Аверченко. - Барнаул : День, 1993. - 445 с. «- Вези меня на Дворянскую 5, да только, братец, поскорее. Извозчик чмокнул губами, и лошадь затрусил. - Ты не особенно хорошо едешь, извозчик, - иронически заметил седок. - Еду себе и еду, - холодно возразил извозчик. - Скажу тебе больше: ты едешь просто плохо. - Н-о-о-о, ты, проклятая! - Должен тебя огорчить, извозчик, но ты едешь гнусно, отвратительно. - Овес нынче дорог, барин». А. Т. Аверченко «Подходцев и двое других» 1917
--	--

	Колесникова, Е. И. Аверченко Аркадий Тимофеевич // Русские писатели, XX век : Биобиблиографический словарь : в 2 ч. Ч. 1. А - Л / редкол. Н. А. Грознова и др.; под ред. Н. Н. Скатова. - М. : Просвещение, 1998. - С. 604-607. «В 1912 году в Петербурге выходят в свет книги Аверченко «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих», после чего за Аверченко закрепляется титул «короля смеха». Рассказы инсценировались и ставились в петербургских театрах.
	стр. 8

Круги по воде : юмористические рассказы русских писателей начала XX века / сост. В. В. Чагин. - Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1988. - 334 с.

«Я встал, пошел в другую комнату и наткнулся там на другую барышню. Лицо у нее было красивое, умное, и это был единственный человек, с которым я отдохнул.

- Давайте поболтаем, - предложил я, садясь. - Вы умная и на многое не обидитесь. Сколько здесь вас, барышень?

Она посмотрела на меня смеющимся взглядом:

- Шесть штук.

- И все хотят замуж?

- Безумно.

- И все в разговоре заявляют, что никогда, никогда не выйдут замуж?

- А то как же... Все.

- И обирать будут мужей и изменять им - все?

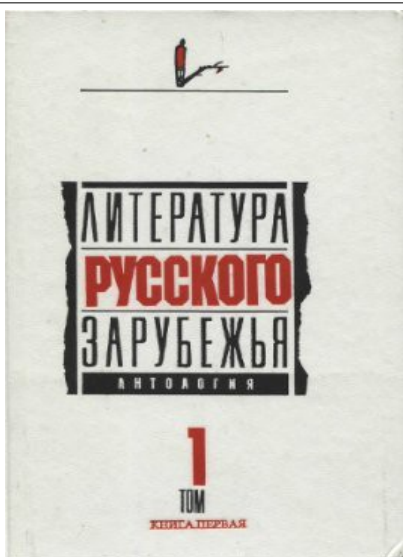
- Если есть темперамент - изменят, нет его - только обдерут мужа.

- И вы тоже такая?

- И я.

В комнате никого, кроме нас, не было. Я обнял милую барышню крепко, и благодарно поцеловал ее, и ушел от Кармалеевых немного успокоенный».

А. Т. Аверченко «Веселье» («День человеческий»)

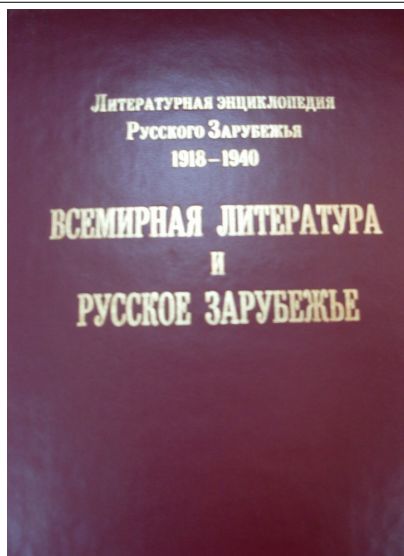
Литература русского зарубежья : антология : в 6 томах / Сост. В. В. Лавров; вступ. ст. А. Л.

Афанасьева. - М. : Книга, 1990. - (Русское зарубежье). Т. 1 : 1920-1925, кн. 2. - 1990. - 398 с.. - (Из содержания: А. Т. Аверченко. Дюжина ножей в спину революции).

«Что такое революция? Это - переворот и избавление. Но когда избавитель перевернуть - перевернул, избавить - избавил, а потом и сам так плотно уселся на ваш загорбок, что снова и еще хуже задыхаетесь вы в предсмертной тоске и судороге голода и собачьего существования, когда и конца-краю не видно этому сиденью на вашем загорбке, то тогда черт с ним и с избавителем этим!»

А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции»

1921

Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918-1940

/ Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам; [гл. ред. и сост. А. Н. Николукин]; худож. оформ. А. Сорокин. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000 - Т. 4 : Всемирная литература и русское зарубежье. - 2006. - 544 с.

После смерти писателя Н. А. Тэффи в нескольких словах выразила наиболее распространенное в эмиграции мнение о месте Аверченко в истории литературы: *«Многие считали Аверченко русским Твеном, некоторые в своё время предсказывали ему путь Чехова. Но не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слёзы. Место его в русской литературе своё собственное, я бы сказала — единственного русского юмориста. Место, оставленное им, наверное, долгие годы будет пустым»* (Новое русское слово, 1949, 9 января).

Мелочи жизни : русская сатира и юмор второй половины XIX — начала XX века

/ сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Д. Кривина; ил. Ю. Ф. Метельского. - М. : Правда, 1990. - 480 с.

« — Те-те-те! — восторженно закричал гость. — Что вижу я! Зернистая икра, и, кажется, очень недурная! А вы, злодей, молчите!

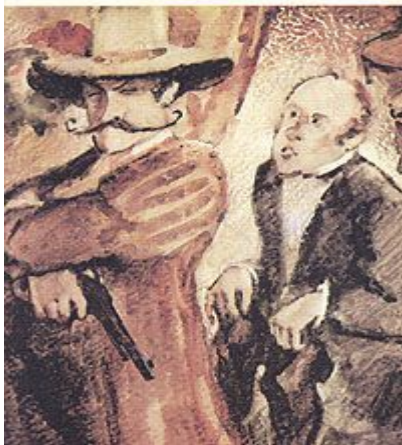
— Да-с, икра... — побелевшими губами прошептал Кулаков. — Конечно, можно и икры... Пожалуйте вот ложечку.

— Чего-с? Чайную? Хе-хе! Подымай выше. Зернистая икра хороша именно тогда, когда ее едят столовой ложкой. Ах, хорошо! Попрошу еще рюмочку коньяку. Да чего вы такой мрачный? Случилось что-нибудь?

Хозяин придвинул гостю тарелку с селедкой и страдальчески ответил:

— Жизнь не веселит! Всеобщий упадок дел... Дороговизна предметов первой необходимости, не говоря уже о предметах роскоши... Да так, к слову сказать, знаете, почем теперь эта зернистая икра? Шесть с полтиной!»

А. Т. Аверченко «Широкая Масленица»

Мелочи жизни : русская сатира и юмор второй половины XIX — начала XX века / сост., вступ. ст. и примеч. Ф. Д. Кривина; худож. В. Конопкин. - М. : Художественная литература, 1988. - 415 с. - (Классики и современники. Русская классическая литература).

«— Лидочка! Дитя моё... Вы простите, что я вас так называю, но... никому не верьте! Про Мастакова говорят много нехорошего — всё это ложь! Преотчаянная, зловонная ложь. Я знаю Мастакова, как никто! Редкая личность! Душа изумительной чистоты!..

— Спасибо вам... Я никогда... не забуду...

— Ну, чего там! Стоит ли. Больше всего меня возмущает, когда говорят: «Мастаков — мот! Мастаков швыряет деньги куда попало!» Это Мастаков-то мот? Да он, прежде чем извозчика нанять, полчаса с ним торгуется! Душу из него вымотает. От извозчика пар идёт, от лошади пар идёт, и от пролётки пар идёт. А они говорят — мот!.. Раза три отойдёт от извозчика, опять вернётся, и всё это из-за гривенника. Ха-ха! Хотел бы я быть таким мотом!

— Да разве он такой? А со мной когда едет — никогда не торгуется.

— Ну что вы... Кто же осмелится при даме торговаться?! Зато потом, после катанья с вами, придёт, бывало, ко мне — и уж он плачет, и уж он стонет, что извозчику целый лишний полтинник передал. Жалко смотреть, как убивается. Я его ведь люблю больше брата. Замечательный человек. Замечательный!»

А. Т. Аверченко «Знарок женского сердца» (Из сборника
«Чудеса в решете»)

1918

Санников, Владимир Зиновьевич. Русская языковая шутка : от Пушкина до наших дней / В. З. Санников; худож. В. Коротаева. - М. : Аграф, 2003. - 560 с.

Меценат удивляется просьбе Клинка внести в ломбард деньги за часы:

«- Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!»

- Не донёс! Одной бедной старушке дал. ...

- Как теперь быстро стареют женщины, - печально сказал Кузя сверху. - В двадцать два года — уже старушка».

Сатира и юмор первой половины XX века / сост., вступ. ст., коммент. Л. С. Калюжной. - М. : Дрофа, 2003. - 400 с. - (Библиотека отечественной классической художественной литературы).

«- А знаешь, если бы Троцкий дал мне кусочек жареного поросенка с кашей - такой, знаешь, маленький кусочек, - я бы не отрезывал Троцкому уха, не топтал бы его ногами! Я бы простил ему...»

- Нет, - шепнул сосед, - не поросенок, а знаешь что?.. Кусочек пулярки, такой, чтобы белое мясо легко отделялось от нежной косточки... И к ней вареный рис с белым кисленьким соусом...

Другие лежащие, услышав шепот этот, поднимали жадные головы и постепенно сползались в кучу, как змеи от звуков тростниковой дудки...

Жадно слушали.

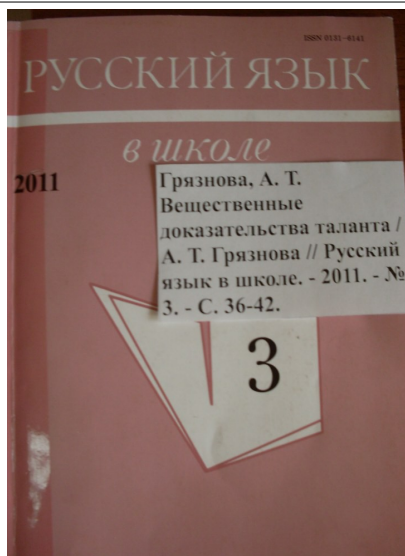
** * **

Тысяча первая голодная ночь уходила... Ковыляя, шествовало на смену тысяча первое голодное утро».

А. Т. Аверченко «Поэма о голодном человеке» («Дюжина ножей в спину революции»)

1921

Статьи об Аркадии Аверченко в периодических изданиях:

Грязнова, А. Т. Вещественные доказательства таланта (Роль культурно обусловленной детали в формировании хронотопа прозы А. Аверченко) / А. Т. Грязнова // Русский язык в школе. - 2011. - № 3. - С. 36-42.

«Так, в рассказе «Тоска по родине» для изображения внутреннего мира русских эмигрантов автор использует традиционные образы этнокультурной модели: человек — музыкальный инструмент; душа — скрипка. Вступая во взаимодействие друг с другом, они рождают сложную метафору:

«Ежели ты, скажем, скрипка, ты должен жить в скрипичном футляре. А эти скоты засунули скрипку во флейточный футляр. Рази можно!»

Суть метафоры заключается в том, что русский человек, для которого душа первична, должен жить в России, а константинопольский приземлённый быт для него слишком «узок».

стр. 38

Зинин, С. А. Грустный смех Аркадия Аверченко / С. А. Зинин // Литература в школе. - 2001. - № 1. - С. 15-19.

Рассказ «Виктор Поликарпович» затрагивает извечную тему ревизора и «гибкого» закона, делающего какую-либо ревизию бесполезной и абсурдной. Расследуя дело о незаконном портовом сборе, суровый ревизор резко «меняет курс», когда речь заходит о причастности к нему столичного сановника:

«-Так, так...А какие были деньги получены: золотом или бумажками?»

-Бумажками.

-Ну, раз бумажками — тогда ничего...».

Как тут не вспомнить гоголевских «борзых щенков»?!

стр. 15

Каралис, Д. Н. Литературная галерея /

Д. Каралис // Нева : литературный журнал. - СПб., 2006. - № 12. - С. 213-221.

«В 1913 году Аверченко ссорится из-за денег с издателем, уходит из “Сатирикона” и создает “Новый Сатирикон”. Читающая публика принимает новый журнал, но летом 1914 года начинается война с Германией, и ситуация меняется: в столичных ресторанах звучат патриотические речи, вместо юмористических рассказов про горничных в ход идут анекдоты про тупых немцев. Аверченко по собственной инициативе едет на фронт в качестве военного корреспондента. Он пишет о зверствах германцев, о нуждах простого солдата, о процветании взяточников-интендантов, о развале в тылу. Он едет на гастроли в Пятигорск, читает в санаториях-госпиталях свои рассказы офицерам и нижним чинам. Курортные газеты печатают сводки с фронтов рядом с гастрольными афишами юмориста».

стр. 217

Саложенкина, Т. Б. Грани комического в рассказе А. Аверченко «Веселье» и рассказе М. Веллера «Хочу быть дворником» : XI класс / Т. Б. Саложенкина // Литература в школе. - 2010. - № 11. - с. 29-32.

Из аннотации:

Сопоставляя произведения Аверченко и Веллера, автор показывает, что темы и идеи литературы не подвластны времени. Два писателя, разделённых столетием, по-своему разрабатывают одну и ту же тему и приходят к единому выводу: иногда человеку необходимо посмотреть на свою жизнь со стороны и понять, что скрывать собственные мысли в угоду чьих-то интересов или общественного мнения — значит прожить фальшиво, неискренне.

